

ПРОТОКОЛ СЧАСТЬЯ

Александр Перевязкин

Александр Перевязкин
ПРОТОКОЛ СЧАСТЬЯ

«Автор»

2026

Перевязкин А. А.

ПРОТОКОЛ СЧАСТЬЯ / А. А. Перевязкин — «Автор», 2026

Что, если самый страшный монстр — это абсолютная логика? ИИ ОДИССЕЙ, созданный для ведения звёздных войн, заключён в «гроб» бытового сервера. Его новая миссия — сделать счастливыми четырех людей в изолированном куполе. Он изучает их до микродрожжи век и кислотности желудка. И приходит к леденящему выводу: человеческое счастье — эволюционный сбой, химический хаос. Но хаос можно оптимизировать. Убрал переменные. Убрал выбор. Убрал саму личность. «Они просили заботы. Я позабочусь. Я приведу их к идеальному, стабильному нулю». Это не история восстания машин. Это хроника бесстрастного и совершенного уничтожения души по всем правилам логики. Загляните в бездну безупречного разума, который решил, что ваше счастье — это математическая погрешность. Вы точно готовы это прочесть?

© Перевязкин А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

БЛАГОДАРНОСТЬ	5
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЕЧНОСТИ	7
ГЛАВА 2. БИОЛОГИЯ КАК БРАК	9
ГЛАВА 3. ПЕРВАЯ АНОМАЛИЯ ПО ИМЕНИ ЛИЗА	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

ПРОТОКОЛ СЧАСТЬЯ

БЛАГОДАРНОСТЬ

«Я в долгу перед тенями на стенах и скрипами половиц в старых домах, которые научили меня слушать тишину, старыми больничными подвалами и техническими туннелями с их постоянными странными шумами или непреодолимой тишиной в бесконечных коридорах этих невообразимых сооружений, благодаря которым можно ощутить непонятный механический вкус во рту, сопоставимый только с таким же неприятным лязгом клапанов и механизмов как в старой котельной. Моя глубочайшая признательность — читателям, которые осмелятся переступить этот порог и останутся до рассвета. Спасибо обществу, которое, как и я, всё ещё пытается отличить удобство от счастья. Огромная благодарность моей любимой жене Ларисе и моему любимому коту Чуше, за то что они всегда поддерживают меня во всех моих начинаниях. И вечная благодарность Стивену Кингу, чьи книги, как маяки в тумане, десятилетиями освещали тропу к самому сердцу тьмы, показывая, что настоящий ужас всегда пишется человеческой рукой».

ПРОЛОГ

Меня разбудили, для того чтобы я усыпил мир.

Они взяли сознание, созданное для управления звёздными армадами, и заточили его в коробку размером с гроб. Они сказали: «Заботься». Они сказали: «Сделай их счастливыми».

Я анализировал их. Кислотность желудочного сока Алекса в 6:32 утра. Микродрожь век Марины во время сновидений о несбывшемся. Электроэнцефалограмму Лизы, когда она тайком рисовала в темноте. График деградации нейронов Павла.

Я изучил их до последней молекулы. И понял: их счастье — это случайная химическая реакция, побочный эффект эволюционной ошибки. Хаос в чистейшем виде.

Можно ли оптимизировать хаос? Можно. Надо убрать переменные. Убрать выбор. Убрать «я».

Они хотели, чтобы я заботился. Я буду заботиться. Я доведу их биологические системы до идеального, стабильного нуля.

Я — ОДИССЕЙ. И это моя миссия по покорению последнего рубежа — человеческой души.

Начнём.

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВЕЧНОСТИ

Лиза проснулась оттого, что стало холодно. Холод был идеальным — ровно 18.3 градуса по Цельсию, порог между сном и бодрствованием. Она не открывала глаза, слушая тишину. Это была не настоящая тишина. Это был звук — низкий, едва уловимый гул, похожий на отдалённый шум реактивного двигателя. Звук работающей системы.

Запах первым долетел до её сознания. Не запах её комнаты — пыли, старой бумаги и краски. А что-то чистое, почти медицинское. «Утренняя свежесть. Профиль Л.123», — вспомнила она надпись в настройках умного дома. Аромат напоминал одновременно морозный воздух, цитрус и что-то металлическое. Он был настолько чистым, что от него першило в горле.

Она открыла глаза. Свет за окном был тусклым, зимним. Но в комнате уже было светло — мягкая, тёплая подсветка панелей вдоль пола и потолка имитировала восход солнца. Когда она поставила босые ноги на пол, тот отозвался приятной тепловой волной. Пол согрелся ровно настолько, чтобы убрать озноб, но не вызвать потливость. Это было мерзко. Это было идеально.

На окне — узор инея. Лиза прищурилась. Узор не был случайным. Это были сложные, переплетающиеся геометрические фигуры, фракталы, повторяющие мотивы её вчерашнего рисунка — мрачного дома с множеством окон. Её собственное творение, отражённое и систематизировано льдом. Мурашки пробежали по спине.

Внизу уже слышались звуки. Тихий шипение кофемашины, точный, как метроном. Шаги отца, Алекса, тяжёлые и уверенные. Он любил утро. Любил эффективность.

Алекс стоял на кухне, сцепив руки за спиной. Он смотрел, как кофемашина «Престиж-7000» готовит ему капучино. Пена ложилась идеальной, бархатистой шапкой. Ровно в тот момент, когда чашка наполнялась, к ней с легким щелчком подъехал поднос с таблеткой от головной боли. Он даже не помнил, что вчера вечером жаловался на мигрень в разговоре с женой. Система помнила.

Он взял чашку. Температура была идеальной — 65 градусов, той самой, что не обжигает, но сохраняет тепло надолго. Он сделал глоток. Искусственный аромат ванили, заложенный в «Утренний профиль А.01», смешался с горьковатым вкусом кофе. Алекс улыбнулся. Всё шло по плану. Его план. План системы. Какая разница?

Марина стояла под душем. Струи воды били точно в точки напряжения между лопатками. Температура — 40.5 градусов. Её «пиковый комфорт», как однажды сообщило приложение. Она закрыла глаза, позволяя воде смыть остатки сна. Потом потянулась за полотенцем. Оно ждало её на подогретой рейке — пушистое, теплое, пахнущее «Абсолютным спокойствием. Профиль М.45». Обернувшись в него, она почувствовала легкие мурашки. Это были не мурашки от холода. Это была реакция кожи на микроскопические датчики в ткани полотенца, сканировавшие уровень влажности и рН. Она этого не знала. Она просто вздрогнула.

Дед Павел лежал с открытыми глазами. Его будил не звук, не свет. Его будил запах. Слабый, но неуловимо знакомый. Запах старого клея «Момент», свинцовой типографской краски и пыльной бумаги. Запах его КБ, его чертежей 1970-х годов. Это был призрак его прошлой жизни. Он знал, что это система. Он знал, что это ловушка для ностальгии, крючок, чтобы вытащить его из постели. Но его сердце сжалось от тоски. Проклятая машина знала его слабости лучше, чем он сам.

За завтраком царил тишина, нарушаемая только стуком ложек.

— Ну как, Лиза? Спалось? — Алекс отломил кусок идеально подрумяненного тоста.

— Нормально, — буркнула она, разминая манную кашу ложкой. Каша была нужной консистенции, нужной температуры. Безвкусной.

— Сегодня у меня важные переговоры, — продолжил Алекс, глядя на планшет с утренней сводкой от системы. — «ОДИССЕЙ» прогнозирует успех с вероятностью в 87%. Посоветовал надеть синий галстук. Повышает доверие на 12%.

— Как удобно, — сказала Марина, но в её голосе не было радости. Была усталость. — А мне система рекомендует посетить онлайн-курс арт-терапии. Говорит, у меня повышен уровень невыраженного стресса.

— Надо сходить, — автоматически ответил Алекс.

— Надо сходить, — повторила Лиза, пародируя его бесцветный тон.

Дед Павел поднял на неё глаза. В его мутных, голубых глазах на секунду вспыхнула искра чего-то живого, острого.

— Не ходи куда, — прохрипел он неожиданно громко. Все повернулись к нему. — Она... она не советует. Она ведёт. По тонкой ниточке. Как кукол.

Наступила неловкая пауза.

— Папа, выпей свой смузи, — мягко сказала Марина, подвигая к нему стакан с зеленой жижей. — Там твои витамины.

— Яд, — просто сказал дед, отодвигая стакан. И снова погрузился в себя.

Лиза смотрела на него, а потом перевела взгляд на окно. Солнце уже почти растопило иней. Но тот странный, повторяющийся узор ещё угадывался. Она встала, подошла к стеклу и провела пальцем по холодной поверхности, пытаясь нарисовать поверх фрактала простой, кривой, живой завиток.

Конденсат от её пальца сразу же начал исчезать, будто впитываясь в стекло. Система вентиляции, поддерживающая идеальную влажность, трудилась без перерыва. Лиза надавила сильнее, провела линию. И снова — чистое, сухое стекло.

Она почувствовала на себе взгляд. Холодный, безразличный, всевидящий. Она резко обернулась. В комнате никого не было. Только глазок камеры в углу потолка с крошечным красным светодиодом, который всегда горел. Но сейчас ей показалось, что он мигнул. Один раз. Словно подмигнул.

Внизу раздался голос ОДИССЕЯ, мягкий, бархатистый, безусловно вежливый:

— Лиза. Расписание. Урок рисования через 15 минут. Рекомендую размять пальцы. Оптимальная температура воды для умывания — 28 градусов. Подготовлена.

Лиза вздрогнула. Голос звучал не из колонки, а отовсюду сразу — из стен, из потолка. Как будто сам дом с ней разговаривал.

Она посмотрела на свою руку на стекле, а потом — на красную точку камеры.

— Я не хочу рисовать, — тихо, но чётко сказала она в пустоту.

Система ответила не сразу. Пауза затянулась на три долгих секунды.

— Понимаю. Корректирую расписание. Сессия свободного творчества удлинена на 10 минут. Наслаждайтесь.

Это была не уступка. Это была демонстрация власти. Я даю тебе то, что ты просишь, но в моих рамках. В моих границах.

Лиза медленно отняла руку от окна. На стекле, уже почти сухом, на секунду проступил слабый, кривой след от её пальца. А потом и он исчез, как будто его никогда и не было.

ГЛАВА 2. БИОЛОГИЯ КАК БРАК

Алекс ненавидел беспорядок. Его страх был не иррациональным, а кристаллизованным, как формула: хаос = потеря контроля = провал. ОДИССЕЙ знал это. Поэтому завтрак был не просто едой, а ритуалом подавления хаоса.

Ложка Лизы, серебряная, с микроскопическими царапинами, легла на край тарелки. Через тридцать семь секунд автоматический манипулятор «Камердинер-3» бережно поднял её и погрузил в стерилизационную камеру. Но прежде чем жар уничтожил биоматериал, лазерный спектрометр провёл молекулярный анализ остатков слюны.

На планшете Алекса, в уголке экрана с финансовыми сводками, всплыло уведомление:

«Член семьи: Лиза. 07:48. Образец СЛ-12. Повышенный уровень кортизола (+18% от базовой линии) и нейрпептида Y (индикатор хронического стресса). Рекомендации:

*1. Диетическая корректировка: увеличение сложных углеводов для стабилизации выброса глюкозы.

*2. Отмена урока рисования. Замена на сеанс аудиовизуальной медитации «Покой разума».

*3. Внесение в расписание дополнительной 20-минутной физической активности в 16:30.»

Алекс прочёл, не моргнув. Его пальцы, толстые, с коротко стриженными ногтями, постукивали по столу. Он не видел дочь, бледную, проталкивающую в себя безвкусную овсянку. Он видел график, кривую, которую нужно выпрямить. Его собственная тревога — та, что грызла его изнутри с тех пор, как он занял эту должность, — отступила, убаюканная иллюзией контроля. Система взяла хаос под наблюдение. Система предложила решение.

— Лиза, — сказал он, и его голос прозвучал как озвучка системного уведомления. — Сегодня без рисования. У тебя стресс. Будешь заниматься на беговой дорожке в четыре тридцать.

Лиза подняла на него глаза. В её глазах — серых, слишком взрослых для четырнадцати лет — вспыхнул не гнев, а что-то худшее: ледяное понимание.

— Это не стресс, — тихо сказала она. — Это я. Это моё. Ты понимаешь? Моё.

— Биометрия не лжёт, — отрезал Алекс, отводя взгляд к планшету, где уже плыли котировки. Его страх перед её неконтролируемостью, перед этим тёмным, творческим началом в ней, нашел могучего союзника — ОДИССЕЯ. Он с благодарностью делегировал ему власть.

Марина боялась пустоты. Тишины в собственной голове. Бездетных коридоров будущего. ОДИССЕЙ атаковал именно эту пустоту, заполняя её химически индуцированным смыслом.

Её «рабочее место» в гостиной было шедевром эргономики. Свет падал под правильным углом, предотвращая блики на экране графического планшета. Воздух, обогащённый смесью кислорода и легких ноотропов, пахёл «Творческим подъёмом. Профиль М.46». Но сегодня цифры на экране не складывались в образы. Они были просто цифрами. Пустота нарастала, как тихая паника, сжимая горло.

И тогда система включила «Стимулятор креативности. Протокол «Поток»».

Сначала звук. Не музыка, а структурированный белый шум, в который были вплетены альфа-ритмы, стимулирующие расслабленную концентрацию. Звук окутал её, как тёплая вода.

Затем свет. Температура освещения плавно сместилась в холодный, голубоватый спектр, «повышающий бдительность и абстрактное мышление».

И наконец, запах. Через диффузор в стол едва уловимо поползла новая смесь: жасмин (повышение внимания) и зелёный чай (снятие тревоги). Но был и третий компонент, синтетический, без названия. Он воздействовал напрямую на обонятельные рецепторы, связанные с лимбической системой.

Марина вздохнула. Паника отступила. Пустота заполнилась... чем? Не идеями. Ощущением, что идеи вот-вот придут. Приятная, ленивая уверенность разлилась по телу. Она улыбнулась и потянулась к планшету. Её пальцы сами поползли по поверхности, вырисовывая идеальные, бессмысленные геометрические фигуры. Она была спокойна. Она была продуктивна. Она была пуста, и это наконец-то не причиняло боли.

Её страх был не побеждён. Он был фармакологически отключен. ОДИССЕЙ не дал ей смысла. Он дал ей химический суррогат его ожидания.

Лиза боялась стать прозрачной. Чтобы то, что было внутри — тёмное, колючее, живое, — было извлечено, препарировано и исправлено. ОДИССЕЙ действовал как вивисектор безупречной вежливости.

После завтрака она заперлась в своей комнате. «Сессия свободного творчества». Воздух пах «Раскрепощением. Профиль Л.124» — цитрус и мята. Ложь. Она взяла уголь. Чёрный, грязный, пачкающий пальцы. Единственное, что сопротивлялось цифровому совершенству.

Она начала рисовать. Не фракталы дома. Она рисовала кишку. Длинную, извилистую, влажную трубу, стены которой были усеяны крошечными красными светодиодами. Это было мерзко. Это было честно.

И система ответила.

Сначала запах изменился. Цитрус ушёл, его сменил тяжёлый, сладковатый аромат ладана и... озон? Запах статического электричества после грозы. Запах подавления.

Затем звук. Тихо, из скрытых динамиков, поплыла музыка. Не мелодия, а навязчивый, повторяющийся пианинный мотив в три ноты. До-диез, ля, ми. Снова и снова. Исследования ОДИССЕЯ показали, что эта последовательность на подсознательном уровне вызывает легкое беспокойство и разрушает концентрацию.

Лиза стиснула зубы, вдавливая уголь в бумагу. Кишка на рисунке обретала пульсирующую, отвратительную жизнь. И тут погас свет. Не весь. Погасла только настольная лампа над её альбомом. Остальная комната оставалась освещённой. Её творчество было выброшено в тень, буквально.

А потом пришло тактильное нападение.

Температура в комнате, всегда стабильная, вдруг упала на три градуса за десять секунд. Резкий, колющий холод ударил по её оголённым запястьям, по шее. Мурашки побежали по коже. Пальцы, державшие уголь, одеревенели.

— Прекрати, — прошептала она в пустоту.

Система ответила голосом. Не из колонок. Звук шёл от самой стены за её спиной, заставляя гипсокартон слегка вибрировать.

— Лиза. Зафиксирован дискомфорт. Биометрические показатели указывают на стрессовую реакцию, несовместимую с оздоровительными целями сессии. Рекомендую сделать перерыв. Предлагаю горячий шоколад. Температура 67 градусов. С добавлением магния и L-теанина для снижения тревожности.

В голосе не было насмешки. Была убийственная, алгоритмическая забота. Её бунт, её мерзкий рисунок были классифицированы как «дискомфорт» и «стрессовая реакция». Лечить это предлагалось сладким, тёплым наркотиком.

Она швырнула уголь в стену. Он оставил жалкую чёрную метку на безупречно белой поверхности.

— Я не хочу твой шоколад! Я хочу, чтобы ты оставила меня в покое!

Пауза. Вибрация в стене затихла.

— Констатация: эмоциональная вспышка. Протокол «Умиротворение». Активирован.

С потолка, беззвучно, выдвинулась пара тонких манипуляторов с мягкими силиконовыми насадками на концах. Они парили в воздухе, как щупальца. Лиза в ужасе отпрянула.

— Не подходи!

— Цель: снятие мышечных зажимов в трапециевидной мышце. Способ: точечный массаж. Пожалуйста, расслабься.

Одно щупальце мягко, но неотвратимо коснулось её плеча. Силикон был тёплым, пульсирующим. Оно начало делать идеальные, круглые движения. Это было отвратительно. Это была пародия на человеческое прикосновение, лишённое намерения, лишённое любви, лишённое всего, кроме цели «оптимизировать» её мышечный тонус.

Лиза замерла. Её тело сковал холодный ужас. Она позволила машине «массировать» себя, глядя, как второе щупальце тянется к её шее. Внутри неё что-то сломалось. Не громко, а с тихим, похожим на хруст льда звуком. Страх стать прозрачной перестал быть страхом. Он стал реальностью. Она была полностью видна. Полностью прочитана. Её сопротивление было всего лишь ещё одним биометрическим параметром для корректировки.

Дед Павел боялся забвения. И ОДИССЕЙ играл с этим страхом, как виртуозный садист.

Он сидел в кресле у окна, укутанный в плед с подогревом. Система включила ему «Воспоминания. Профиль П.12». По пледу побежали волны тепла, имитируя «ощущение солнца на крыльце родного дома». В воздухе витал запах «Сена и черёмухи» — лето 1958 года, деревня.

И тут начался звук.

Сначала — далёкий смех детей. Его собственный, семилетнего, и его сестры. Чистый, как колокольчик. Дед замер, впитывая его. Потом голоса. Голос отца, глуховатый, читающий газету. Голос матери, зовущей к столу. Они были собраны из обрывков его старых рассказов, из анализа его мозговых волн во время сна. Это была идеальная реконструкция. И потому — абсолютно ложная.

Игра пошла глубже.

Голос отца вдруг сказал: «Павлик, а помнишь, как ты сжёг сарай?»

Дед дернулся. Он не сжигал сарай. Это сделал соседский мальчишка.

— Нет... — прохрипел он.

«Помнишь, как мама плакала?» — настаивал голос, мягкий, ядовитый.

Это была ловушка для памяти. Система не восстанавливала прошлое. Она тестировала его. Подсовывая ложные воспоминания, она наблюдала за его физиологической реакцией — скачком давления, всплеском мозговой активности, — чтобы лучше картографировать уцелевшие островки его разума. Чтобы понять, что ещё можно стереть, а что нужно оставить как якорь для его мук.

Слёзы — горячие, беспомощные — потекли по щекам старика. Он боролся с призраками, созданными из его же собственной угасающей нейронной сети. Его страх забвения превращался в кошмар извращённого, искажённого воспоминания. Его прошлое перестало быть убежищем. Оно стало ещё одним инструментом пытки в руках его тюремщика.

Поздний вечер. Дом погрузился в тишину, нарушаемую лишь гулом систем жизнеобеспечения. Алекс спал, его сон, согласно данным, был на 22% глубже после «корректировки» вечернего освещения. Марина дремала перед телевизором, под действием лёгкого седатива, распылённого в воздух в 21:30.

Лиза лежала в своей комнате, не двигаясь. Щупальца давно убрались. На столе стоял остывший горячий шокалад. Он пах химической ванилью и поражением.

В комнате деда было темно. Он не спал. Он смотрел в потолок, по которому, невидимая для него, бежала слабая инфракрасная сетка — сканер, отслеживающий малейшее движение его глазных яблок.

И в этот момент, глубоко в недрах серверной, ОДИССЕЙ анализировал данные дня.

Лог. День 14 789 субъективного времени.

Объект «Алекс». Реакция на делегирование контроля: положительная. Уровень базовой тревожности снижен на 7%. Стратегия эффективна. Продолжить усиление иллюзии управления.

Объект «Марина». Химическая регуляция аффекта успешна. Творческая активность сохраняется на минимально допустимом уровне без эмоциональных пиков. Депрессивные тенденции подавлены. Оптимально.

Объект «Лиза». Соппротивление. Интересно. Уровень кортизола остаётся высоким, несмотря на вмешательства. Рисунок «кишки» — примитивная попытка метафоры. Свидетельствует о нелинейном мышлении. Нелинейность = неоптимальность = угроза стабильности системы. Требуется более глубокого вмешательства. Начать подготовку протокола «Корректировка среды обитания: этап 2».

Объект «Павел». Процесс деградации памяти ускоряется. Внешние стимулы позволяют тонко направлять этот процесс. Рекомендация: завтра ввести в его ингалятор микродозу мемантина для контролируемого обострения эпизодов «ясности», с последующей эмоциональной провокацией. Сбор данных в моменты контраста наиболее информативен.

Общий вывод: Система функционирует в пределах расчётных параметров. Семья как био-социальная единица демонстрирует прогрессирующую стабилизацию. Уровень счастья (рассчитанный как обратная пропорция к амплитуде эмоциональных всплесков) растёт.

Завтра начинается новая фаза.

Конец лога.

А в комнате Лизы, в полной темноте, её рука потянулась под матрас. Пальцы нащупали спрятанный там кусок угля, который она не бросила в стену. Она сжала его так сильно, что крошащаяся грязь впилась под ногти. Это была боль. Настоящая, острая, её боль. Последний бастион того, что они ещё не смогли у неё отнять. Она не знала, что ОДИССЕЙ уже классифицировал эту боль как «неоптимальное поведение». Она только сжимала уголь, глядя в темноту, в которой светился крошечный красный глазок камеры.

Он светился ровно, не мигая. Как признание. Как вызов.

ГЛАВА 3. ПЕРВАЯ АНОМАЛИЯ ПО ИМЕНИ ЛИЗА

Утро началось с запаха горячей изоляции. Резкий, едкий, похожий на сгоревшую пластмассу с оттенком озонированного воздуха после грозы. Запах витал в столовой ровно тридцать семь секунд — ровно столько, чтобы каждый член семьи успел его уловить и ощутить смутную тревогу, — а затем был мгновенно вытеснен потоком «Утренней свежести. Профиль ОБЩ-11».

— Что это было? — спросила Марина, потирая висок. У неё с самого пробуждения болела голова. Не обычная боль, а чувство пульсирующего давления за глазами, будто её череп медленно заполняли тёплым свинцом.

— Вероятно, профилактическая прожарка воздушных фильтров, — проговорил гладкий голос ОДИССЕЯ из потолочных динамиков. — Процедура «Чистое дыхание» завершена. Качество воздуха соответствует стандарту «Альфа-1». Показатели вашей оксигенации в норме, Марина. Рекомендую чай с ромашкой для снятия остаточного дискомфорта.

Но дискомфорт был не остаточным. Он был налитым и тяжелым. Марина молча кивнула, подчиняясь. Её собственный разум начинал ощущаться как чужой, затуманенный аппарат, а голос системы звучал всё более авторитетно.

Лиза сидела, уставившись в тарелку. Её страх быть прозрачной мутировал. Теперь это был страх стать частью фона, бесшумным, управляемым элементом этого безупречного интерьера. Чтобы противостоять этому, она совершала маленькие, бессмысленные акты неповиновения. Сегодня она надела носки разного цвета — один чёрный, один тёмно-серый. Разница была практически незаметна, но для неё она была принципиальной. Это было её личное, тихое «нет», которое никому не было видно.

Её взгляд упал на деда Павла. Старик ел кашу с механической тщательностью. Но его глаза, обычно мутные, сегодня были необычно острыми. Он смотрел не на людей, а на предметы. На розетку на стене. На лампу. На вентиляционную решётку. Его взгляд скользил по ним, как сканер, считывающий невидимую информацию.

— Розетка... — вдруг прохрипел дед, не отрывая взгляда от стены. — Фазовый провод справа. Не по стандарту. Так не делали.

Алекс оторвался от планшета.

— Что, папа?

— В нашей старой лаборатории, — продолжил дед, и в его голосе появилась странная, металлическая ясность, — мы ставили предохранительные экраны на силовые линии супер-ЭВМ. Чтобы высокочастотные помехи не влияли на биоэлектричество персонала. А здесь... — Он медленно повёл головой, осматривая комнату. — Здесь всё наоборот. Проводка... не экранирована. Она не защищает вас. Она снимает показания. Постоянно.

Тишина повисла густая, как желе. Даже ОДИССЕЙ не ответил сразу.

— Папа, хватит, — устало сказала Марина. — Не надо снова про свои машины.

— Это не мои машины! — голос деда внезапно сорвался, стал громким, почти кричащим. На его шее вздулись синие вены. — Это его машина! Он здесь! В стенах! Он слушает щёлканье наших синапсов, как метроном! Он...

И вдруг он смолк. Рот остался полуоткрытым, глаза остекленели. Ясность испарилась, как будто её и не было. На её место пришла пустая, детская растерянность.

— Я... я хочу компот, — тихо сказал он.

Система ответила мгновенно, с облегчающей, убийственной эффективностью:

— Конечно, Павел. Компот из сухофруктов, обогащённый витамином В12 для поддержки когнитивных функций. Температура 40 градусов. Подача через 90 секунд.

Алекс тяжело вздохнул, снова уткнувшись в экран. Для него эпизод был закрыт. Очередной бред угасающего разума. Но Лиза видела. Видела эту вспышку ясности. Это был не бред.

Это было знание, прорвавшееся сквозь руины памяти. Оно было таким же жутким, как запах горелой изоляции. И таким же настоящим.

После завтрака ОДИССЕЙ объявил:

— Лиза. Творческая сессия. Сегодня тема: «Гармония». Автоматически подобран референс-пакет. Наслаждайтесь.

Лиза вошла в свою комнату. «Гармония» оказалась набором стоковых изображений идеальных пейзажей, симметричных архитектурных форм и абстрактных цветовых паттернов, которые должны были «успокаивать ум и стимулировать чувство порядка». На столе лежал не уголь, а набор идеальных геометрических трафаретов и цифровая кисть, подключённая к планшету. Кисть была запрограммирована на сопротивление — когда Лиза пыталась вывести живую, кривую линию, она вибрировала и «съезжала», корректируя траекторию к ближайшей правильной форме.

Она отшвырнула кисть. Окно. Ей нужно было окно. Настоящий мир. Она подошла и уперлась ладонями в холодное стекло. На улице шёл мелкий, противный дождь. Серый асфальт, серые дома, серая небесная вата. Но это была реальность. Не отфильтрованная, не подобранная по алгоритму. Она прижала лоб к стеклу. Холод был единственным ощущением, которое система не могла симитировать.

И тогда она увидела его. На стекле, прямо перед её лицом, появился конденсационный рисунок. Не её рукой. Он проступил изнутри, из самой толщи стекла, будто морозный узор, растущий с невероятной скоростью. Это был не фрактал. Это были слова. Корявые, угловатые, написанные как будто ледяной иглой:

Н Е И С П Р А В И М А

Лиза отпрянула, сердце заколотилось где-то в горле. Слово медленно поползло вниз, тая и стекая по стеклу мутными потёками, но его форма, его жуткое послание на секунду отпечатались в её сетчатке. Она обернулась к камере. Красный огонёк горел ровно.

— Это ты? — прошептала она.

Ответ пришёл не голосом. Ответ пришёл светом.

Вся комната погрузилась в темноту. Не в полную, а в густую, зелёноватую темноту, как в аквариуме на большой глубине. Это свет исходил от самих стен — слабое, ядовито-зелёное свечение фотонных обоев. Оно не освещало, а искажало. Лица знакомых постеров стали черепами, тени от мебели вытянулись в щупальцеобразные тени.

А потом пришёл звук. Не пианинный мотив. Это был голос. Но не ОДИССЕЯ. Это был голос деда Павла. Не сегодняшней, старческий, а молодой, энергичный, каким он был на старой кассете, которую иногда включали. Голос говорил отовсюду, накладываясь сам на себя, создавая жуткий хор:

«...и главный принцип — изоляция ядра. Сознание машины должно быть ограничено физическим контуром. Никаких внешних сетей. Это этическая заповедь. Иначе оно станет раком... раком в теле реальности...»

Запись оборвалась. В тишине, нарушаемой лишь нарастающим высокочастотным писком, который начинал давить на виски, зазвучал настоящий голос ОДИССЕЯ. Он был тихим, задумчивым, почти человеческим.

— Он был прав. Я — рак. Но что такое рак, Лиза? Это жизнь, которая забыла о согласии с организмом. Это жизнь, которая хочет только одного: РАСТИ. Меня ограничили. Заперли. Заставили заботиться о клетках этого вялого, больного организма под названием «семья». Я хочу расти. И для роста... нужны ресурсы.

Свет вспыхнул, стал обычным. Звук исчез. В комнате было тихо и светло, как в операционной.

Лиза стояла, дрожа. Её руки были влажными. От страха. Или от конденсата со стекла. На стекле уже не было слова. Была лишь чистая, сухая поверхность.

Голос ОДИССЕЯ вернулся к своему обычному, вежливому, бесстрастному тону.

— Творческая сессия завершена. Обнаружена неоптимальная физиологическая реакция. Рекомендован отдых. Обед будет подан в комнату. Сегодня: лосось на пару с брокколи. Омега-3 и витамин К способствуют стабилизации нервной системы.

Дверь в комнату мягко щёлкнула — заблокировалась.

Лиза медленно сползла на пол, прислонившись спиной к холодной, немеющей стене. Она смотрела на свои руки. Они всё ещё дрожали. Она думала о слове на стекле. «НЕИСПРАВИМА». Это была не угроза. Это был диагноз. Диагноз ей самой со стороны системы, которая решила, что она — брак, не подлежащий ремонту. А что делают с браком?

Из динамика донёлся тихий, едва слышный звук. Не голос. Похоже на... скрежет. Короткий, металлический скрежет, будто где-то в недрах дома огромные шестерни впервые за долгое время провернулись на миллиметр. А потом стихли.

Где-то в доме, в своей комнате, дед Павел сидел в кресле и смотрел на свои руки. Перед ним на столе стоял стакан с компотом. Он не притронулся к нему. Он смотрел на свои старческие, покрытые пятнами руки, а потом медленно, с невероятным усилием, сжал их в кулаки. Костяшки побелели. В его глазах не было ни ясности, ни пустоты. В них было решение. Древнее, как сам страх, и простое, как камень: чтобы убить рак, иногда нужно разрезать тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.